

Мережковского по «Миру искусства»: В. Розанова, активно пропагандирующего идею «пифизма» в «Заметке о Пушкине», и Н. Минского, увидевшего в пушкинском творчестве наиболее полное выражение «пифийских» начал.

Диалогическая структура статьи «Праздник Пушкина», кроме того, дополняется диалогом-согласием, диалогом – «духовным единением и обогащением» – с одноимённой работой Г. Успенского, текстом Библии, с пушкинскими «Маленькими трагедиями». Причём в процессе диалога Мережковский включает пушкинские цитаты в новый контекст, что позволяет ему «перекодировать» традиционные смыслы таких известных произведений, как «Скупой рыцарь», «Пир во время чумы», «Пророк».

Библиографический список

1. Мережковский Д. С. Атлантида – Европа: Тайна Запада. М., 1992.
2. Мережковский Д. О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы // Мережковский Д. Л. Толстой и Достоевский. Вечные спутники. М., 1995.
3. Мережковский Д. С. Праздник Пушкина // Мережковский Д. С. Эстетика и критика: в 2 т. Т. 1. М.; Харьков, 1994.
4. Пушкин в русской философской критике. М., 1990.
5. Розанов В. В. О Пушкине: Эссе и фрагменты. М., 2000.
6. Соловьёв В. С.. Стихотворения. Эстетика. Литературная критика. М., 1990.
7. Спасович В. Д. С. Мережковский и его «Вечные спутники» // Вестник Европы. 1897. № 6.
8. Сурат И. Пушкин как религиозная проблема // Сурат И. Пушкин: биография и лирика. Проблемы. Разборы. Заметки. Отклики. М., 2000.
9. Успенский Г. И. Праздник Пушкина (Письма из Москвы – июнь 1880) // Успенский Г.И. Полн. собр. соч.: в 14 т. Т. 8. М.; Л., 1954.
10. Хализев В. Е. Теория литературы: учебник. М., 2002.
11. Юрьева И. Ю. Пушкин и христианство: Сборник произведений А.С. Пушкина с параллельными текстами из Священного Писания и комментарием. М, 1999.

Н. М. Сергеева

*Костромской государственный
университет им. Н. А. Некрасова*

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ ЛЕГЕНДЫ О СТАРЦЕ ФЕОДОРЕ КУЗЬМИЧЕ В РОМАНЕ Д. С. МЕРЕЖКОВСКОГО «АЛЕКСАНДР I»

Работу над любым художественным произведением, а тем более на историческую тему, Д. С. Мережковский неизменно предварял тщательными архивными разысканиями и изучением источников. В период написания «Царства Зверя» у писателя была возможность широко использовать основательные труды отечественных и зарубежных историков. В числе таких фундаментальных трудов прежде всего следует назвать работы Н. К. Шильдера «Император Павел I» (1901), «Им-

ператор Александр I, его жизнь и царствование» (1897–1898), «Николай I» (1903), Е. С. Шумигорского «Император Павел I. Жизнь и царствование» (1907). Революция 1905 года повлекла за собой ослабление цензуры, что в свою очередь привело к появлению многочисленных работ, посвящённых «тёмным пятнам» русской истории. Таковыми, например, являются изданный А. С. Сувориным сборник «Цареубийство 11 марта 1801 года. Записки участников и современников» (1907) и книга Г. Василича «Император Александр I и старец Феодор Кузьмич» (1911). Стали доступны широкому кругу читателей записки и воспоминания декабристов, документы, материалы допросов.

Сразу после окончания второй части «Царства Зверя» Мережковский пишет статью «Александр I», которая во многом проясняет логику работы писателя с историческим материалом в одноименном романе. Формально статья построена как отклик на книгу Великого князя Николая Михайловича «Император Александр I. Опыт исторического исследования», причем отклик остро полемический. Писателя совершенно не устраивает трактовка образа императора как человека, который «отдался всецело *зловредному мистицизму* в области недостигаемого на земле блаженства, а отдавшись религиозно-мистическим утопиям, не мог уже заниматься делами» (3 : 119), а его государственной деятельности последних лет как проявления «полного маразма» (3 : 119). Причиной неприятия такой тенденции в оценке исторических событий Мережковский открыто называет изменения, произошедшие в религиозном сознании интеллигенции в конце XIX – начале XX веков.

Писателя привлекает «главная религиозная мысль Александра – христианство как правда не только личная, но и общественная; Евангелие как основа жизни не только человека, но и человечества» (3 : 120). И одной из самых важных заслуг русского императора Мережковский в своей статье называет искренние попытки осуществить безумную (если учитывать реальное историческое положение вещей) мечту, в которую Александр верил: «отречение от всякой власти человеческой во имя власти Божьей» (3 : 120). «Князь П. М. Волконский полагает, что покойному государю действительно приходило на ум отречение от престола <...> Ежели бы кончина императрицы Елисаветы Алексеевны последовала при жизни его, *государь не только отрекся бы от царствования, но в состоянии был удалиться в монастырь*» (3 : 123), – отмечает писатель, ссылаясь на дневник князя А. С. Меншикова (курсив Д. С. Мережковского. – *Н. С.*).

Очевидно, что подобный подход к интерпретации личности императора в известной мере ограничен, но все же он прямо соотносится с художественным воплощением образа Александра I в романе. Мережковский убежден, что для воссоздания живого образа того или иного реального лица отнюдь не достаточно конкретных исторических свидетельств. В соответствии с этой установкой он отстаивает свое право использовать в литературном произведении не только документальные источники, но и народные предания. Писатель осознает, что «легенды не история, как облака не горы» (3 : 123); однако справедливо полагает, что «иногда за легендой – высшая правда истории, как за облаками – вершины гор» (3 : 123).

В этой связи особое значение для постижения идейного смысла «Александра I» и определения логики работы автора с историческими источниками является

легенда о старце Феодоре Кузьмиче, включенная в роман. Характерно, что Мережковский считал ее едва ли не прекраснейшим из всех преданий, созданных народным сознанием в последние века русской истории, и резко негативно отзывался о попытке Великого князя Николая Михайловича опровергнуть эту легенду.

Писателю ближе намеки Н. К. Шильдера на возможное тождество императора Александра I и старца Феодора Кузьмича, высказанные в его труде «Император Александр I, его жизнь и царствование». Историк отмечает, что множественные слухи, будто «Александр не умер в Таганроге, что вместо него было похоронено подставное лицо, а сам он каким-то таинственным образом скрылся отсюда неизвестно куда» (4 : 445), возникли сразу после кончины императора. Однако в конце XIX столетия «неожиданно с новой силой воскресли старые, давно забытые народные сказания» (1 : 113), которые в этот раз «сосредоточились на одном таинственном старце, появившимся в Сибири и умершем 20-го января 1864 года, как полагают 87-ми лет в Томске» (1 : 113).

Следует отметить, что весьма популярной в начале XX века была книга Г. - Василича «Император Александр I и старец Феодор Кузьмич», в которой были собраны проверенные и непроверенные слухи, связанные с кончиной Александра I. Наиболее характерные из них следующие: «государя убили, изрезали, и долго его тело искали, и наверное не могут утвердить, нашли ли его тело, и нельзя узнать, для того на лицо сделали восковую маску» (1 : 89), «государь жив, его продали в иностранную неволю» (1 : 89), «государь жив, уехал в легкой шляпке в море» (1 : 89), вместо Александра был убит неизвестный солдат, а «настоящий государь, бросив ружье, бежал с часов, но неизвестно куда» (1 : 91), а спустя время в Сибири появился некий старец, лицом и манерами похожий на «покойного» Александра I.

Из множества легенд, касающихся фигуры императора, Мережковский избирает для художественного воплощения одну. По мнению писателя, высшую духовную потенцию Александра I угадывает народное сознание, создавшее легенду о царе, убежавшем от царства и ставшим безвестным Божьим странником Федором Кузьмичом. Именно эта легенда в романе объясняет и оценивает духовное существо героя. Для Мережковского не приемлемы трактовки последних лет царствования императора Александра как времени страшной реакции (такова, например, позиция А. Н. Пыпина). Его художественная версия исторических событий иная: Александр действительно обманул надежды России, отступив от первоначальных планов реформирования, однако он скорее не актер, беспристрастно разыгрывающий свою роль, а фигура глубоко драматическая, достойная сострадания.

Библиографический список

1. *Василич Г.* Император Александр I и старец Феодор Кузьмич. М., 1911.
2. *Мережковский Д. С.* Александр I // Мережковский Д. С. Собр. соч.: В 4 т. М., 1990. Т. 3.
3. *Мережковский Д. С.* Было и будет: Дневник, 1910–1914; Невоенный дневник. 1914–1916. М., 2001.
4. *Шильдер Н. К.* Император Александр Первый. Его жизнь и царствование: В 4 т. СПб., 1898. Т. 4.